

Даниэль Струве

У истоков «повестей о горожанах» Ихара Сайкаку

В статье предпринимается попытка выявить преемственность между «Записками от скуки» Кэнко-хоси (1283–1350?) и произведениями Ихара Сайкаку (1642–1693). Японские исследователи не раз отмечали влияние «Записок от скуки» на творчество Сайкаку, но большинство из них лишь раскрывали цитаты и аллюзии, т.е. оставались в рамках изучения литературных источников. Автор статьи анализирует процесс зарождения «повести о горожанах» как одного из видов повествовательного жанра *укиё-дзоси*, первоначально ориентированного на рассказы о «любовных похождениях» и жизни увеселительных кварталов. Сопоставление повестей Сайкаку с популярными в его время «Записками от скуки» дает ключ к пониманию его творчества и позволяет точнее определить место И. Сайкаку в развитии японской литературы эпохи Эдо.

Ключевые слова: Ихара Сайкаку, Кэнко-хоси, «Записки от скуки», *укиё-дзоси*, *косёку*, книги о горожанах, книги о любовной страсти, эпоха Гэнроку, *кана-дзоси*

Ихара Сайкаку (1642–1693) известен как основоположник нового направления в повествовательной прозе *укиё-дзоси* («повести о бренном мире»). В 1682 г. выходит в свет его первое прозаическое произведение «Любовные похождения одинокого мужчины» («Косёку итидай отоко»), которое открыло новую страницу в истории японской литературы. В чем же состоит новаторство Ихара Сайкаку и что нового он привнес в японскую повествовательную прозу? Несмотря на то, что осмысление творчества Сайкаку активно ведется уже больше века и ему посвящено немалое количество исследований, многие вопросы до сих пор остаются спорными, а Ихара Сайкаку, можно сказать, продолжает и до сегодняшнего дня приводить критиков в недоумение. С легкой руки Таниваки Масатика, одного из ведущих исследователей творчества писателя, последнее время часто подчеркивается «интересность» (*омосирока*) Сайкаку. Однако такой субъективный подход едва ли способствует проявлению особенностей его творчества и значения его в историческом контексте конца XVII в., так называемой эпохи Гэнроку. В сборнике справочных материалов «Сайкаку хиккэй» («Необходимое о Сайкаку», 1993) исследователь Хиросима Сусуму составил список из двадцати вопросов, до сих пор не разрешенных исследователями творчества Сайкаку. Один из них касается связи между повестями Сайкаку и «Записками от скуки» («Цурэдзурэгуса») монаха Кэнко, произведением начала XIV в., часто переиздававшимся и комментированным в XVII в. и пользовавшимся большой популярностью в широкой среде любителей комической поэзии *хайкай*, мастером которой являлся Ихара Сайкаку. Именно это мы и хотели бы рассмотреть с тем, чтобы уточнить авторскую позицию Сайкаку и определить, как он сам представлял значение своего литературного творчества.

1. «Любовные похождения одинокого мужчины»

Как известно, цитаты или реминисценции из «Записок от скуки» часто встречаются в произведениях Сайкаку, начиная еще со стихотворных сочинений, причем в большинстве своем это те же места, которые полюбили писателю и, очевидно, хоро-

шо знакомы его читателям. Так, разбирая первую главу «Любовных походов одинокого мужчины», И.В. Мельникова (Melnikova, 1998, p. 435–448) отмечает насыщенность текста аллюзиями и цитатами, которые почерпнуты главным образом из трех произведений: «Повести о Гэндзи», «Исэ моногатари» и «Записок от скуки». Первые два относятся к аристократической литературе классического века и являются образцом описания изящных манер (*мияби*), а потому неудивительно, что любовные походы их героев, принца Гэндзи и принца Аривару-но Нарихира, стали моделью поведения героя Сайкаку, горожанина Ёносукэ. Исследователи неоднократно отмечали влияние «Повести о Гэндзи» на первое прозаическое произведение Сайкаку. Так, Ёносукэ, отправляясь в морское путешествие на «Остров, охраняемый женщинами», берет с собой «Исэ моногатари». Автор «Записок от скуки», придворный поэт и буддийский монах, писавший в начале XIV в., слыл в XVII в. знатоком искусства любви. Эта оценка сложилась не только благодаря его классическим стихам в стиле поэзии *вака*, где тема любви занимает важное место, но и потому, что любовным переживаниям посвящены многие отрывки «Записок от скуки», в особенности 3-й, 8-й и 9-й, которые пользовались в то время большой известностью и часто цитировались разными авторами при описании увеселительных кварталов. Если до начала XVII в. «Записки от скуки» распространялись преимущественно в узком кругу поэтов *рэнга*, то, после публикации текста и первых публичных лекций с объяснениями трудных мест они стали общедоступными и сделали предметом все более и более разнообразных толкований и подражаний. Как отмечает В.Н. Горегляд, «возрастание интереса к произведению Кэнко-хоси в XVII в. наглядно характеризуется увеличением числа изданий текста, комментариев и исследований „Записок от скуки“». Так, если в первой половине столетия появились четыре такие книги, то во второй половине — с 1652 по 1692 г. — их вышло уже 22» (Горегляд, 2006, с. 230). Много раз издавались также и «Повесть о Гэндзи» и «Исэ моногатари». Можно сказать, что для читателя XVII в. все три книги относились к одному разряду классических японских произведений, тесно связанных с темой любви, знакомство с которыми считалось обязательным при обучении поэзии *хайкай*.

Приступая по существу к созданию нового жанра *укиё-дзоси*, представлявшего картину изменчивой жизни горожан конца XVII в., Сайкаку не мог не вспомнить о «Записках от скуки», где, помимо упоминаний о старых временах, немало острых замечаний о нравах современников. Кроме того, примером ему служили многие произведения начала или середины XVII в., которые являлись подражаниями или пародиями на «Записки от скуки», например «Записки о том, что смеха достойно» («Касёки»), не раз переиздавшиеся и даже ставшие предметом критического разбора («Касёки хёбанки», 1660). Можно также упомянуть произведение поэта *хайкай* Ямаока Гэнрин (1631–1672) «О посторонних и о себе» («Та га ми но уэ», 1657), где рассуждения о жизни поданы в форме диалога, заимствованной из «Записок от скуки». Ко времени Сайкаку в литературной среде укоренился обычай ссылаться в предисловиях на «Записки от скуки» в тех случаях, когда автор не очень разбирался в предмете, о котором собирался писать, но брал в руки кисть, повинувшись собственному желанию, без веских на то причин или особенной необходимости. Родоначальником такого рода традиций стал сам автор «Записок от скуки», которые открываются следующими словами:

«Когда весь день праздно сидишь против тушечницы и для чего-то записываешь всякую всячину, что приходит на ум, бывает, такое напишешь — с ума можно сойти» (Горегляд, 1970, с. 45).

Впрочем, вполне вероятно, что Кэнко-хоси обладал специальными знаниями, но не обязательно в тех областях, которые ценились среди образованных преставителей современного ему общества. Как видно из 3-го отрывка из «Записок от скуки», автор очень высоко оценивал познания в любовных делах:

«Мужчина, который не знает толка в любви, будь он хоть семи пядей во лбу, — неполноценен и подобен яшмовому кубку без дна» (Горегляд, 1970, с. 46).

Прилагательное *содзоси*, переведенное как «неполноценный», выражает чувство неудовлетворенности или одиночества, испытываемое при общении с холодным, неотзывчивым собеседником, в данном случае с человеком, не искусственным в науке любви.

«Нет ничего более трогательного, — продолжает Кэнко, — чем бродить, не находя себе места, вымокнув от росы или инея, когда сердце твое, боясь родительских укоров и мирской хулы, не знает и минуты покоя; когда мысли разбегаются в разные стороны и притом — спать в одиночестве и ни единой ночи не иметь спокойного сна!»

Тот кто, не прошел сложную школу любви, не ощутил всю гамму чувств, включая те, что испытывает человек, когда его покидает возлюбленная, по мнению кэнко, не способен общаться, не сможет и разобраться в сложностях человеческих чувств и их проявлений. В этих строчках выражено понимание любви, выработанное в течение веков японской классической поэзией. Создавая гротескный образ Ёносукэ с его исключительным интересом к любовным похождениям, Сайкаку принижает возвышенную реальность классической поэзии, вводит ее в комический мир поэзии *хайкай*, доводит до абсурда, но при этом не порывает с ней окончательно. Независимо от того, идет ли речь о продажной любви в увеселительных кварталах разных рангов, любовь остается ключом к «человеческому сердцу», искусством общения, умением ориентироваться в сложном мире общественных условностей и человеческих отношений. Сквозь комическую фигуру «сердцевода» Ёносукэ, чьи знания относятся исключительно к области любви, проступает образ автора, ставящего себе целью описать в своих произведениях «сердце людей своего времени» (*ё но хитогокоро*).

2. «История любовных пождений одинокой женщины»

Новой вехой на творческом пути Ихара Сайкаку стало произведение, опубликованное в середине 1686 г. под названием «Любовные похождения одинокой женщины» («Косёку итидай онна»), которое можно рассматривать как попытку автора расширить рамки своего творчества. Уже в сборнике «Пять женщин, предавшихся любви» («Косёку гонин онна»), вышедшем в начале того же 1686 г., Сайкаку подходит к теме любви по-новому. В нем действие перенесено из увеселительных кварталов в торговые: все пять героинь сборника — горожанки, дочери или супруги торговцев и ремесленников. В повести «Любовные похождения одинокой женщины» выбор автором в качестве героини женщины вместо мужчины позволяет Сайкаку охватить большое разнообразие сфер жизни общества, поскольку героиня, опускаясь все ниже и ниже по ступеням социальной лестницы, попадает в самые разные ситуации и сталкивается как с представителями придворной знати, так и с уличными проститутками. Она так же как и Ёносукэ становится знатоком человеческого сердца, овладевает способностью покорять любого при помощи искусного письма, меткого слова, решительного поступка или жеста. Это произведение, как и «Любовные записки

одинокого мужчины», изобилует мотивами «Записок от скуки». Так, его начало, где повествуется о встрече с двумя юношами на западе от Киото, когда автор, подслушав их разговор о любви, следует за ними по пятам по горной тропе и приходит к хижине старухи-отшельницы, является переработкой двух знаменитых отрывков «Записок от скуки», 11-го и 105-го. В первом рассказывается о посещении автором одинокой горной хижины. Во втором автор издалека наблюдает за встречей мужчины и женщины зимой при лунном свете в галерее пустынного храма и слышит отрывки их разговора. Интересно заметить, что сочетание этих двух отрывков прослеживается и в начале более раннего, анонимного произведения *канадзоси*, «Хворост» («Такитсукэгуса»), где обсуждаются поведение куртизанок и этика увеселительных кварталов. По всей вероятности, Сайкаку заимствовал его именно оттуда. Связь с «Записками от скуки» подтверждается, в особенности, в тех главах, где героиня выступает в роли служанки в разных домах или заведениях. Там лейтмотивом проходит мысль, высказанная в 9-м отрывке, что «трудно преодолеть одно только это заблуждение», т.е. любовную страсть (*кано мадои но хитоцу ямэгатаки номи дзо*). Большая часть походов героини (как, впрочем, и героинь повести «Пять женщин, предавшихся любви») может считаться прямой иллюстрацией к этому высказыванию, а также и к следующим строкам из того же отрывка:

«Но вообще-то женщина только потому, что в мыслях ее одна лишь любовь — и спать не спит как следует, и жалеть себя забудет, и даже то, что невозможно снести, переносит терпеливо» (Горегляд, 1970, с. 48).

Наиболее явно использование «Записок от скуки» наблюдается в начале 1-й и 3-й новелл 3-го свитка «Любовных походов одинокой женщины». Обе они начинаются длинными вступлениями, написанными от первого лица, как бы от автора, которые подражают рассуждениям Кэнко-хоси в «Записках от скуки» о бренности жизни, о людях, о любви. В них автор, расхаживающий по улицам Киото или плывущий на лодке по каналам города Осака, выступает в роли иронического наблюдателя современных нравов. Нагибаясь и протягивая руку, он вытягивает из плоскодонки с мусором выброшенное письмо, где речь идет о любви и о деньгах, и с его помощью сначала смешит, а затем заставляет призадуматься своих спутников. Автор изобразил самого себя в юмористических тонах, с намеком на образ отшельника Кэнко-хоси. Переплетение мотивов мусора (*тири*) и письма или книги (*фуми*) заимствовано из излюбленного Ихара Сайкаку 72-го отрывка «Записок от скуки»:

«Много, а взору не претит: книги в книжном ящике; мусор на мусорнице» (Горегляд, 1970, с. 79).

Аллюзия на это место уже встречалась в первой главе «Любовных походов одинокого мужчины» и позже явилась предпосылкой к замыслу неоконченного сборника новелл в письмах «Ворох старых книг» («Сайкаку ёродзу но фумихогу»). Можно считать, что выброшенное или оброненное письмо — один из ключевых образов, ставших основополагающим для прозаического творчества Ихара Сайкаку.

3. Вечная сокровищница Японии

«Любовные походы одинокой женщины» («Косёку итидай онна») — принадлежат к разряду *косёку моно* («книг о любовной страсти»), но в них часто затрагиваются темы, близкие к «книгам о горожанах». Так, в 4-й новелле 3-го свитка рассказывается о торговом доме Мицуи, о котором повествуется и в «Вечной сокровищнице Японии» («Ниппон эйтэйгура»). Приказчик дома Мицуи в Эдо, человек строгих

нравов, не помышляющий ни о чем кроме денег, прельщается красотой героини и становится жертвой ее хитрости, в результате чего теряет место и положение в обществе, т.е. здесь вновь демонстрируется неотразимая сила любовной страсти. В этом описанном в гротескной форме стремительном падении можно видеть аллюзию на рассказ об отшельнике из Кумэ, о котором упоминается в 8-м отрывке «Записок от скуки»: отшельник, «узрев белизну ног стирающей женщины», «лишился магической силы», состоявшей в способности передвигаться по воздуху, и ударился оземь.

Похожий сюжет встречается в «Вечной сокровищнице Японии», сборнике, вышедшем в начале 1688 г., в котором просматривались некоторые сюжеты, сходные с содержащимися в повести «Любовные похождения одинокой женщины». Во 2-й новелле 1-го свитка рассказывается история об отце и сыне. Отец всю свою жизнь копил деньги, был очень скуп и нажил огромное состояние в две тысячи *канмэ*, которое после смерти досталось единственному сыну, унаследовавшему от него также и бережное отношение к деньгам. В день первой годовщины смерти отца, по пути с кладбища, молодой человек, отроду не ведавший ни о чем, кроме денежных интересов, подбирает на дороге оброненное письмо, в которое вложен золотой. Автором записки, сопровождающей пожертвование, оказывается бедный горожанин, а адресатом — его подруга, куртизанка низкого ранга. Просьба пришлась на самое неудобное для этого время, промежуток между праздниками 9-го дня 9-го месяца и Нового года, когда все готовится к уплате долгов, и редко у кого бывают свободные деньги. Чтобы помочь подруге, автору письма пришлось заложить весеннее жалованье. Текст письма производит тем более сильное впечатление на неопытного читателя, что оно написано вовсе не высоким слогом любовных писем, а вполне понятным ему языком деловой переписки и на знакомую ему денежную тему. Растроганный содержанием письма и взволнованный открытием нового мира, о котором он знал лишь понаслышке, молодой человек спешит в увеселительный квартал с намерением отнести послание по назначению, но вместо этого начинает тратить свои деньги с куртизанками, и вскоре сводит на нет все доставшееся ему состояние. Его отец когда-то распевал наизусть пьесы театра *Но* по скупости, чтобы не тратить лишних денег на освещение, а сын распевает их теперь по необходимости, для того, чтобы хоть бы как-нибудь прокормиться.

Новелла начинается с измененной цитаты из «Записок от скуки»:

«То, что хочется иметь возле дома, это — сливы, вишни, сосны, клены, но еще лучше, когда в доме в изобилии золото, серебро, рис и медные монеты».

Эти слова — аллюзия на 139-й отрывок:

«Деревья, которые хочется иметь возле дома, это — сосны и вишни» (Горегляд, 1970, с. 112).

Эти вступительные слова можно в равной мере читать как авторскую речь или как речь, принадлежащую купцу, герою новеллы. Они вводят читателя в мир ценностей, отличных от эстетических воззрений автора «Записок от скуки». Две иерархии ценностей продолжают сравниваться и в следующих строках, где природным красотам разных времен года противопоставляется неизменный вид на несгораемые хранилища, которыми застроен сад богатого торговца. Дальше при упоминании о пении наизусть пьес театра *Но* употребление ключевого слова *нагусами* (утешение, наслаждение), которое в поэзии *хайкай* ассоциируется со сценой из 13-го отрывка «Записок от скуки», вызывает образ Кэнко-хоси, погруженного в чтение древних книг у лампы:

«С чем можно сравнить наслаждение, которое получаешь в одиночестве, когда, открыв при свете лампы книгу, приглашаешь в друзья людей невидимого мира» (Горегляд, 1970, с. 50).

Скупой богач не раскрывает книги, а предпочитает распевать наизусть знакомые ему пьесы *Но*, чтобы не тратить лишние деньги на освещение. Тем самым он представляет ценности, противоположные тем, что разделяет сам Кэнко-хоси, по существу олицетворяет новый образ «преуспевающего богача» (*дайфуку тёдзя*), которому автор «Записок от скуки» дает слово в 217-м отрывке. Все его поведение укладывается в рамки тех заповедей, которые вложены Кэнко-хоси в уста богача:

«Боясь и почитая деньги, как государя, как божество, нельзя использовать их на свои прихоти» (Горегляд, 1970, с. 146).

Как уже указывалось японскими исследователями, общий замысел «Вечной Сокровищницы Японии» тесно связан со спором о ценностях, который разворачивается на страницах «Записок от скуки». Об этом свидетельствуют и подзаголовок сборника «Дайфуку синтёдзакё» («Новые поучения о том, как преуспеть и стать богачом») и многочисленные изречения, приписываемые «некоторому известному богачу» (*ару тёдзя иваку...*), которыми испещрены последние главы сборника. Рассматриваемая нами новелла, в которой отец и сын распевают наизусть пьесы *Но*, может служить иронической иллюстрацией к заключительным словам 217-го отрывка:

«Нет никакой разницы между бедностью и богатством. Необъятность желаний подобна отсутствию желаний» (Горегляд, 1970, с. 147).

Можно предположить, что сам прием отстранения автора и предоставления слова носителю того или иного мировоззрения, восходит к «Запискам от скуки». Внимания заслуживает и мотив оброненного или брошенного и найденного посторонним письма, о котором мы уже упомянули в связи с 3-й новеллой 3-го свитка «Любвных похождений одинокой женщины». Прочтение письма открывает молодому герою новый мир, о котором он не имел представления. Чужое письмо втягивает его в незнакомую реальность, приводит его к перемене образа жизни и в конце концов к разорению. Приключения наивного юноши носят, несомненно, комический характер, как и любовные похождения Ёносукэ или героини «Любвных похождений одинокой женщины». Но и в них за шутивной формой просматривается более серьезное намерение автора. Как свидетельствует неоконченное произведение «Ворох старых писем», Сайкаку представляет себе свое творчество в образе вороха выброшенных старых писем, уже никому не нужных и собранных в мусорную кучу, но для того, кто потрудится их разобрать, они тем не менее содержат драгоценные сведения о людях и их жизни. Говоря о человеческом сердце, Кэнко-хоси пишет в 235-м отрывке «Записок от скуки»: «Пустота свободно вмещает разные предметы» (*коку ёку моно о иру*).

«Зеркалу не дано ни своего цвета, ни своей формы, и потому оно отображает любую фигуру, что появляется перед нами. Если б имелись в зеркале цвет и форма, оно, вероятно, ничего бы не отражало. Пустота свободно вмещает разные предметы. И когда нам в душу (*кокоро*) произвольно одна за другой наплывают разные думы, это, быть может, случается от того, что самой души-то в нас и нет. Когда бы в душе у нас был хозяин, то не теснилась бы, наверное, грудь от бесконечных забот» (Горегляд, 1970, с. 155).

Это — ключевое место, непосредственно перекликающееся со словами вступления, а потому и тесно связанное с самим замыслом «Записок от скуки». В свою очередь

сборники новелл Сайкаку являются своего рода свободным пространством, не обремененным какой-либо одной определенной идеологией, а потому способны вмещать все разнообразие жизни большого города и все противоречивые представления его жителей. Тема «любвонной страсти» занимает в них центральное место, но не потому, что в намерение автора входит «прославление ценности и красоты земного бытия и человека, ищущего наслаждений» (Редько, 1987, с. 517). По своему мировоззрению Сайкаку несомненно ближе к представлениям буддийского монаха Кэнко-хоси, для которого «мир прекрасен самим своим непостоянством» (*ё ва садаманэнаки косо имидзикэрэ*, отрывок 137), чем к обычному гедонизму. Значение любовной тематики в том, что, представляя альтернативную систему ценностей, она предлагает альтернативу моралистическому подходу к человеческим делам. Любовь выступает не только в виде страсти, но и как искусство общения между людьми разного пола, а потому и как искусство общения вообще, как школа изящества и вкуса, привлекающая внимание ко всем проявлениям человеческих чувств и мыслей, к тому, что Сайкаку называет «сердцем людей нашего времени» (*ё но хитогогоро*). Искусство познания «человеческого сердца» и юмор, являющиеся его составной частью, есть та организующая сила, которая упорядочивает хаос сложной городской жизни, о которой повествует нам *укиё-дзоси*. Именно они лежат в основе реализма в произведениях Ихара Сайкаку.

Список литературы

- Горегляд В.Н.* Классическая культура Японии. Очерки духовной жизни. СПб., 2006.
 Записки от скуки (Цурэдзурэгуса). Пер., вступ. ст., коммент. В.Н. Горегляда. М., 1970.
Редько Т.И. Прозаическое творчество Ихара Сайкаку // История всемирной литературы: в 8 т. Т. 4. М., 1987.
Сайкаку хиккэй (Необходимое о Сайкаку). Сост. Таниваки Масатика и др. Токио: Гакутося, 1993.
Таниваки Масатика. Цурэдзурэгуса то Сайкаку но тэнин моно (Записки от скуки и повести о горожанах Сайкаку) // Кинсэй бунгэй э но сиза (Взгляд на литературу эпохи Эдо). Токио: Ситэнся, 2005.
Melnikova I.V. The Man Who Spent His Life in Love // *Doshisha Studies in Language and Culture* 1–2. 1998. P. 435–448.
Struve Daniel. Косёку итидай онна но иттэнкё то ситэ но Кумэ но сэннин но сэцува (Сказание об отшельнике из Кумэ как один из источников «Любовных походов одинокой женщины») // *Адзиа югаку*. № 98, июнь 2007.
Struve Daniel. Косёку итидай онна то Цурэдзурэгуса (Об отношении «Любовных походов одинокой женщины» и «Записок от скуки») // *Риссё дайгаку кокуто то кокубун*. № 45, март 2007.
Struve Daniel. Сайкаку то Цурэдзурэгуса но какавари ни цуитэ (Об отношениях Сайкаку и «Записок от скуки») // *Proceedings of the 28th International Conference on Japanese Literature*. Tokyo, 2005.

Summary

Daniel Struve

Aux sources du conte marchand d'Ihara Saikaku

L'article se penche sur la question du rapport entre les romans d'Ihara Saikaku et les *Heures oisives* (*Tsurezuregusa*) de Kenkô hôshi. Si les allusions aux *Heures oisives* dans les ouvrages de Saikaku ou leur influence sur le plan des idées ont été largement étudiés par la critique, il y a souvent une réticence chez les chercheurs à pousser le rapprochement au-delà et à traiter cette question autrement que dans le cadre de la critique des sources. Le présent article essaie de montrer que le rapprochement avec les *Heures oisives* peut aider à une meilleure compréhension de l'univers romanesque de Saikaku et qu'il peut constituer une clef pour situer son œuvre dans le contexte littéraire de son époque.